

Славянская икона святых Кирилла и Мефодія въ базиликѣ св. Петра въ Римѣ.

Когда вы входите въ базилику св. Петра въ Римѣ, то охваченные ея величіемъ и роскошью, вы принимаетесь осматривать прежде всего все то, что импонируетъ вашему взору, вашему чувству эстетическому и религіозному.

Овладевъ первымъ чувствомъ удивленія и даже какой-то растерянности, какая охватываетъ васъ едва вы переступите порогъ церкви при видѣ грандіозности самого храма, вы направляетесь затѣмъ къ самому центру, который, притягиваетъ васъ тысячами огней, мерцающихъ въ красивыхъ бронзовыхъ лампадахъ.

Здѣсь, подѣ великолѣпнымъ балдахиномъ изъ темной бронзы находится алтарь, воздвигнутый надъ гробницей св. апостола Петра. Вы преклоняете колѣна и идете затѣмъ къ его знаменитой черной статуѣ; ея правая нога, стертая отъ благоговѣйныхъ прикосновеній къ ней многомилліонной толпы заставляетъ думать васъ о длинномъ рядѣ вѣковъ, въ продолженіи которыхъ проходило предъ нею столько народовъ.

Вы любуетесь великолѣпными иконами изъ мозаики, воспроизведенными съ картинъ величайшихъ художниковъ Италіи въ лучшей разцвѣтѣ ея искусства, вы останавливаетесь предъ грандіозными памятниками папъ, гордо возсѣдающихъ на своихъ тронахъ, съ простертыми для благословенія руками, въ которыхъ чувствуется не столько благословеніе, сколько гордое сознаніе власти.

Странное и разнородное чувство вызываютъ въ васъ эти папскіе памятники, эти гордые властныя фигуры, превратив-

Славянская икона Апостоловъ Петра и Павла въ базиликѣ св. Петра въ Римѣ.

шія величайшіи въ мірѣ храмъ, посвященный бѣдному рыбаку, въ свой мавзолей, въ символъ своей несокрушимой власти.

Но впечатлѣніе это современемъ, когда вы остаетесь въ Римѣ и проникаетесь глубже въ суть католичества, въ его исторію, становится для васъ болѣе понятнымъ и перестаетъ непріятно поражать васъ, какъ при первомъ посѣщеніи св. Петра.

Вы продолжаете осматривать алтари, роскошный мраморъ, гдѣ есть столько прекрасныхъ деталей, которые вы не скоро замѣтите, поглощенные тѣмъ, что прежде всего бросается въ глаза, а этого здѣсь такъ много, что осмотрѣвъ лишь часть храма, вы уже употребили на него много времени.

Вы возвращаетесь еще—и еще много новаго открываете въ немъ. Наконецъ вы уходите, унося съ собою огромное эстетическое наслажденіе; но оно не соотвѣтствуетъ чувству религіозному, которое, если вы православный, остается въ васъ неудовлетвореннымъ. Это папскій мавзолей, а не церковь, повторяете вы: здѣсь Богу отведено мало мѣста, и намъ, православному славянству все это чуждо, хотя и прекрасно; здѣсь нѣтъ ничего связующаго насъ съ Римомъ; никакого воспоминанія которое говорило бы „нашему“ чувству.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ вы оставляете Церковь. Но вы проходите мимо маленькой капеллы, находящейся съ правой стороны отъ входа, рядомъ съ притворомъ гдѣ находится знаменитое „милосердіе“ (Pieta) Микельанджело.

Капеллу эту замѣтить трудно. Къ ней ведетъ небольшая дверь подъ памятникомъ Льва XII, но она за рѣдкими исключеніями большихъ праздниковъ, всегда закрыта. Это такъ называемая капелла реликвій (capella delle reliquie).

Вотъ здѣсь то и находится та святыня, которая не только служить связью насъ съ Римомъ, но непосредственно говорить нашему славянскому чувству.

Эта святыня есть древнѣйшая икона, изображающая святыхъ апостоловъ Петра и Павла со славянскою надписью на ней. Икона эта была завѣщана нашими апостолами Кирилломъ и Меѳодіемъ церкви св. Петра для возложенія ея на гробъ апостола.

О существованіи этой иконы я узналъ совершенно слу-

чайно. Въ одномъ знакомомъ домѣ, а именно у нашего гостепріимнаго консула, мнѣ показали маленькую картинку, съ изображеніемъ на ней св. Петра и Павла и славянской надписью на верху. Это былъ приблизительный снимокъ (теперь его почти не возможно достать) древней иконы нашихъ славянскихъ апостоловъ, находящейся въ храмѣ Св. Петра. Существованіе подобной иконы быть можетъ мало кому извѣстной въ Россіи, меня очень заинтересовало, тѣмъ болѣе что на ней была еще и славянская надпись. Я захотѣлъ увидѣть оригиналъ и получить о немъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Но кого я ни спрашивалъ объ иконѣ, никто не могъ мнѣ ничего сказать о ней. Она даже малоизвѣстна въ самомъ храмѣ Петра.

Черезъ одного знакомаго прелата я добился наконецъ позволенія открыть мнѣ капеллу и дать возможность хорошо осмотрѣть интересующую меня икону.

Въ сопровожденіи ризничаго и одного монаха я вошелъ въ завѣтную капеллу. Небольшого размѣра, въ формѣ креста, полутемная вслѣдствіи цвѣтныхъ стеколъ окна, она вся наполнена разнаго рода реликвіями, которыя хранятся во вдѣланныхъ въ стѣну, особо приспособленныхъ для этого, помѣщеніяхъ, съ закрытыми на ключъ дверцами, которыя открываются для публики лишь въ день большихъ праздниковъ.

Въ капеллѣ находятся два алтаря. На лѣвомъ я тотчасъ же замѣтилъ интересовавшую меня икону. Одно присутствіе ея въ капеллѣ реликвій, всегда запертыхъ на ключъ, указываетъ на сколько она почитаема. Одинъ только разъ въ году, а именно въ день св. ап. Петра и Павла въ храмовой праздникъ римской базилики, она торжественно выносится изъ капеллы и ставится у гроба св. Петра въ воспоминаніе о завѣщанной волѣ святыхъ братьевъ.

Чтобы хорошо осмотрѣть ее намъ пришлось снять ее съ алтаря.

Вставленная въ большую металлическую раму, она такъ тяжела, не смотря на свой небольшой размѣръ (88 сан. длины и 55 ширины безъ рамы) что снять ее пришлось съ извѣстнымъ усиліемъ.

Вооружившись тутъ же стоящей на алтарѣ свѣчей, я принялся, на сколько позволялъ ей слабый свѣтъ, осматривать

эту древнѣйшую святыню. Много пришлось ей претерпѣть за болѣе нежели тысячелѣтнее существованіе свое.

Она на столько почернѣла и отъ времени и въ особенности отъ неумѣлой реставраціи, что многое въ ней уже трудно разсмотрѣть.

Но все же ликъ св. Петра прекрасно сохранился, чего нельзя сказать относительно св. Павла. Вообще все изображенное по лѣвой сторонѣ яснѣе видно, нежели по правой. Такъ напримѣръ черты св. Кирилла лучше можно разобрать нежели черты св. Мееодія, помѣщающагося по правую сторону иконы.

Главныя фигуры (поясныя) св. Петра и св. Павла занимаютъ большую часть пространства. Надъ ними въ небольшомъ полукругѣ, отдѣленномъ болѣе темной краской фона, нежели на всей иконѣ, находится тоже поясное изображеніе Христа съ благословляющей десницей. Съ правой и съ лѣвой стороны отъ нея, какъ разъ надъ головами обоихъ апостоловъ славянская надпись; съ правой стороны СТЫ · ПЕТРЪ, съ лѣвой СТЫ · ПАВЛЪ. Наконецъ внизу подъ изображеніями апостоловъ, отдѣленная чертою, изображена цѣлая сцена изъ четырехъ лицъ: она то и составляетъ для насъ, вмѣстѣ съ выше указанной славянской надписью, главный интересъ всей иконы. По правую и по лѣвую сторону стоятъ съ молитвенно сложенными руками двѣ фигуры: на право—св. Кириллъ безъ бороды, на лѣво св. Мееодій съ бородой—оба въ епископскихъ облаченіяхъ и съ епископской короной на головѣ, какая употреблялась до митры.

Центральная сцена отдѣленная аркой отъ обѣихъ фигуръ изображаетъ римскаго папу благословляющаго склоненнаго предъ нимъ, съ протянутыми руками, св. Мееодія т. к. фигура эта съ бородой и тождественна изображенію св. Мееодія. Но въ продолженіи долгихъ вѣковъ изображенная на иконѣ сцена толковалась совершенно иначе.

Фигуры святыхъ братьевъ были приняты за греческихъ монаховъ, которые явились во снѣ императору Константину. Склоненная въ центрѣ фигура считалась за его собственное изображеніе, а папа его благословляющій былъ признанъ за папу Сильвестра, совершающаго надъ нимъ обрядъ крещенія.

Вотъ какъ описывается она въ каталогѣ реликвій, сдѣланномъ нѣкимъ Джакомо Гримальди въ 1617 г., тщательно записывавшемъ Ватиканскіе памятники.

„Древнѣйшая доска (tavola) вышиною въ три съ половиною пяди; на ней написаны изображенія Спасителя нашего и апостоловъ Петра и Павла, которые явились императору Константину во снѣ, когда подѣ вліяніемъ божественной благодати, онъ рѣшилъ принять христіанство. Въ верхней части иконы, въ кругѣ находится изображеніе нашего Спасителя Иисуса Христа. По правую сторону отъ него находится св. Петръ, держащій въ рукѣ свертокъ на подобіе папируса, а полѣвую—св. Павелъ, въ лѣвой рукѣ котораго находится книга, а правая поднята вверхъ какъ бы для проповѣди: надъ ихъ головами можно прочесть имена обоихъ апостоловъ, написанные красной краской по русински, какъ это утверждали, въ моемъ присутствіи, русинскіе епископы, прибывшіе въ Римъ при Климентѣ VIII для присоединенія къ Церкви. Внизу (иконы) можно видѣть Константина Великаго, склоненнаго предъ св. Сильвестромъ, его благословляющемъ; по его обѣ стороны видны изображенія двухъ благородныхъ лицъ въ греческомъ одѣянніи. Икона эта есть драгоценнѣйшая реликвія и чрезвычайно знаменитая во всемъ христіанскомъ мірѣ“.—Затѣмъ слѣдуетъ описаніе реликвій, окружающихъ икону, но мы опускаемъ его.

Помимо Гримальди объ иконѣ этой упоминаетъ также и Канцельери (De sacrariis Basilicae Vaticanae) дѣлая почти тождественное съ предыдущимъ описаніе ее. Но еще ранѣе двухъ названныхъ авторовъ икону эту описываетъ нѣкій Romanus, въ 1192 г. называя ее „venerabilem imaginem apostolorum Petri et Pauli quam beatus Silvester papa ostenderat Constantino at raprae sentandam formam eorum quos ante lapsum in visione viderat ¹⁾“.

Такимъ образомъ начиная съ XII в. икона св. Петра и Павла признавалась римскаго происхожденія временъ Константина и по словамъ Гримальди, духовенство базилики Петра называло ее „Доска съ изображеніемъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла, явившихся императору Константину“. Съ такимъ наименованіемъ она возвѣщалась народу, когда на второй день Пасхи ее выносили изъ капеллы и показывали молящимся съ высоты внутренняго балкона базилики.

1) Petri Mallii Descriptio basilicae vaticanae a Romano presbytero aucta см. De Focus. User. christ II p. 206.

Таково было представлѣніе объ этой древнѣйшей иконѣ вплоть до нашего вѣка, когда ученый славянинъ Иванъ Кукулевичъ, посѣтилъ Римъ, совершенно случайно нашелъ у одного антиквара старую гравюру съ изображеніемъ Петра и Павла и со славянской надписью, которая сразу привлекла на себя его вниманіе 1).

Вотъ какъ пишетъ онъ самъ объ этомъ въ „Архивѣ южно-славянской исторіи 1857 г. „Среди важнѣйшихъ сокровищъ и священныхъ предметовъ, сохраняемыхъ въ великолѣпной базиликѣ св. Петра въ Римѣ, въ хранилищи священныхъ реликвій, находится икона святыхъ апостоловъ Петра и Павла, которая судя по благочестивой традиціи, какъ и по списку святыхъ реликвій базилики считается греческой иконой, данной въ даръ базиликѣ, императоромъ Константиномъ. На ней изображены истинные лики вышеупомянутыхъ св. апостоловъ, какими они явились самому Константину во время сна, а подъ ними самъ императоръ въ сопровожденіи двухъ лицъ, принимающей благословеніе отъ св. папы Сильвестра“. „Отправляясь за поисками книгъ, рукописей, образовъ и т. п. у римскихъ антикваровъ, я совершенно случайно наткнулся на гравюру по мѣди 1771 г. вышеописанной иконы, на верху которой надъ головами святыхъ находилась ошибочно переданная Кирилицей надпись: „святой Петръ“, „святой Павелъ“, а подъ нею латинская: *sanctus Petrus, sanctus Paulus*.—Первое что мнѣ бросилось въ глаза это надпись Кирилицей и я купивъ это изображеніе за полъ батокка“ (полъ саидо т. е. копѣйки) рѣшилъ при первой же возможности розыскать оригиналъ“.

„И дѣйствительно на другой же день вмѣстѣ со священникомъ славянской (илирійской) церкви св. Іеронима Георгіемъ Бензія я отправился въ Ватиканскую базилику св. Петра, гдѣ послѣ многихъ переговоровъ съ канониками я съ трудомъ получилъ разрѣшеніе войти въ секретную капеллу, гдѣ сохраняются святые реликвіи вмѣстѣ съ названной иконой. Въ глубинѣ шкафа со стеклянной дверью, позади золотыхъ и серебряныхъ вазъ разнаго вида, хранящихся реликвіи и украшенныхъ драгоценными камнями, жемчу-

1) Cord. Bartolim. Memorie storico-critiche archeologiche deiss. Cirillo o Metodjo.

гами и т. д. я замѣтилъ икону почти совсѣмъ почернѣвшую отъ времени“.

„И попросилъ вынуть ее изъ угла, откуда быть можетъ ее не трогали въ продолженіи многихъ вѣковъ. Икона вставлена въ большую серебрянную раму и столь тяжелую, что мы могли едва удержать ее вдвоемъ. Когда ее поднесли къ окну, тогда только я могъ подробно осмотрѣть ее“. (Слѣдуетъ описаніе иконы, которое я не передаю, какъ уже знакомое читателямъ).

„Осмотрѣвъ затѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ икону, продолжаетъ далѣе Кукулевичъ, я объявилъ стоящимъ вокругъ меня римскимъ священникамъ прежде всего, что икона эта не греческая, но славянская и что это не могъ быть даръ императора Константина, такъ какъ въ его время Кирилица еще не была изобрѣтена“.

„Теперь возникаютъ два вопроса: 1) что означаетъ изображаемая внизу сцена съ папой, благословляющимъ священника съ двумя иноками восточной церкви? 2) какимъ образомъ подобная икона съ изображенными на ней предметами полу-восточными, полу-западными, христіанская и славянская попала въ главнѣйшую церковь католичества и въ мѣсто гдѣ сохраняются священные предметы западной церкви“?

„Вотъ наше мнѣніе: священникъ, стоящій склоненнымъ предъ папою, получая его благословеніе долженъ быть или св. Меодій или одинъ изъ священниковъ его сопровождавшихъ, которые папою Адріаномъ II были рукоположены во епископы Панноніи, а оба инока восточной церкви, воздѣвающие кверху руки съ мольбою къ Петру и Павлу—святые Кириллъ и Меодій, которые въ 867 г. привезли въ Римъ мощи св. Климента въ даръ папѣ Адріану II, чѣмъ заслужили благословеніе и большія почести“.

„Если допустить возможность что въ вышеназванномъ изображеніи римской иконы представлено воспоминаніе главнѣйшей эпохи въ жизни славянскихъ апостоловъ Меодія и Константина, названнаго Кирилломъ, то съ нѣкоторой вѣроятностью мы можемъ поддержать наше мнѣніе т. е. что икона была завѣщена церкви св. Петра обоими славянскими епископами въ воспоминаніе о ихъ первомъ посѣщеніи Рима. Подобное предположеніе можетъ вполне гармонизировать съ

благочестивой традиціей церкви, т. е. что икона была дана Константиномъ, но только не императоромъ, а Константиномъ философомъ, названнымъ Кирилломъ; допустимо также и предположеніе, что икона могла быть написана самимъ Меѳодіемъ, такъ какъ судя по нѣкоторымъ сказаніямъ, онъ былъ живописцемъ и съ помощью написаннаго имъ Страшнаго суда, обратилъ въ христіанство Болгарскаго царя Бориса. Предположивъ даже что святые Константинъ философъ и его братъ Меѳодій не самолично дали икону церкви св. Петра и что она не была написана св. Меѳодіемъ, то и то можетъ быть признано вполне вѣроятнымъ, что икона могла быть сдѣлана въ воспоминаніе ихъ путешествія въ Римъ и какъ по изображенному сюжету, такъ и по *стилю и виду*, если даже она и не можетъ быть признана, какъ мы находимъ, самымъ древнимъ памятникомъ славянскаго христіанства, тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ произведеній славяно-христіанскаго искусства¹⁾.

Такимъ образомъ Кукулевичъ является первымъ, открывшимъ настоящій смыслъ этой интересной иконы и ея славянское происхожденіе. Послѣ него другой ученый славянинъ Радкій, во время своего пребыванія въ Римѣ, тщательно занимается той же иконою, останавливаясь главнымъ образомъ на опредѣленіи ея эпохи.

Его мнѣніе въ этомъ отношеніи не сходится съ предположеніемъ Кукулевича. Онъ считаетъ ее болѣе позднѣйшаго періода, судя по языку и орфографіи славянской надписи. „СѢ по отношенію къ СѢМЪ, ЦЕРЬ и ПАРЬЛЪ по отношенію къ ЦЕРЬ и ПАРЬЛЪ наводятъ насъ на эпоху гораздо болѣе позднѣйшую; употребленіе Ц, вмѣсто Ч говорятъ о племени, къ которому принадлежалъ художникъ. Извѣстно, что рукописи, гдѣ вмѣсто древне-славянскихъ Ч и Ъ употребляется лишь одно Ц, „приписываются народности Сербской“.

„Ввиду такой примѣты происхожденіе Ватиканской иконы надо приписать южно-славянскимъ землямъ и именно судя по ихъ сербскому характеру. Если это такъ, то она не должна быть древнѣе XIII или XIV вв., что подтверждается самимъ рисункомъ; но по этому поводу я обращаюсь къ эк-

¹⁾ Arkio ja Tovjestuicu Jugoslauensku 1857.

спертамъ искусства; на иконѣ безсомнѣнія отражается вліяніе западнаго искусства, которое какъ это уже признано, вліяло на всѣ древне-сербскія произведенія искусства. Что же касается пути, какимъ проникла икона въ Римъ, то вспомнимъ каковы были сношенія Сербіи съ Римомъ, начиная со Стефана Немѣйка и его сына св. Саввы. Характеръ письма исключаетъ всякое другое происхожденіе¹⁾.

Такимъ образомъ Радкій положительно отрицаетъ современное святымъ Кириллу и Меѳодію происхожденіе иконы, опираясь на филологическія особенности славянской надписи и признавая за нею сербское происхожденіе.

Но третій изслѣдователь иконы кардиналъ Бартолини²⁾ раздѣляетъ мнѣніе Кукулевича и вотъ по какимъ причинамъ. Онъ осматривалъ икону въ присутствіи нѣсколькихъ канониковъ славянъ при церкви св. Іеронима, Ватиканскаго архитектора Фонтана, эксперта живописи Лаиса и нѣсколькихъ канониковъ св. Петра.

По тщательному осмотру ея, была признана ея глубокая древность; ея стиль—византійскимъ и похожимъ на древніе мозаичныя произведенія римскихъ базиликъ; нарисована она темперой на золотомъ фонѣ, но рисунокъ много пострадалъ отъ позднѣйшихъ плохихъ реставрацій маслянною краской, затемнившей очень изображенія апостоловъ Петра и Павла. Много повредили живописи золотыя короны наложенныя впоследствии на головы апостоловъ и І. Хр. (при чемъ на головѣ св. Петра Тіара) отчего прикрѣпляя ихъ пришлось пробить гвоздями дерево иконы. Корона І. Хр. покрываетъ часть надписи ІС. ХС. (этой надписи теперь почти совсѣмъ не видно. Мнѣ по крайней мѣрѣ не удалось рассмотреть ее).

По мнѣнію эксперта пр. Лаиса икона принадлежитъ *очень древнему* византійскому письму IX в. и ни въ коемъ случаѣ къ XIII или XIV в. Что же касается орфографіи, указанной (выше) Радкимъ, то по всему вѣроятію въ періодъ реставрацій иконы, она могла быть измѣнена противъ оригинальной испорченной временемъ и написана кѣмъ нибудь, мало

¹⁾ Katol. list. Zagreb XI, стр. 284.

²⁾ Memorie storiche—archeologiche dei Santi Cirillo e Metodio cord Bar. tolini.

опытнымъ въ древнемъ славянскомъ писаніи, вслѣдствіи чего могли вкрасться и нѣкоторыя орфографическія ошибки. Славянскіе священники съ этимъ мнѣніемъ однако не вполне соглашались, придерживаясь мнѣнія Рацкаго и выразили желаніе, чтобы икона была вынута изъ большой рамы со стекломъ, предполагая, что подъ скрытыми подъ нею краями иконы можно будетъ найти какое нибудь новое указаніе и быть можетъ надпись автора надписи. Но этому желанію воспротивились Ватиканскіе каноники, опасаясь что въ силу столь глубокой древности, вынутая изъ рамы икона можетъ превратиться въ пепелъ. вмѣсто этого они предложили ознакомиться съ очень интереснымъ документомъ, проливающимъ новый свѣтъ на исторію этой драгоценной иконы и подтверждающемъ мнѣніе Кукулевича о толкованіи сюжета ея и ея эпохи.

Въ 1859 г. по распоряженію Капитула св. Петра были вычищены короны, рама и металлическія украшенія иконы, вслѣдствіи чего было сдѣлано подробное описаніе ея, которое мы здѣсь и приводимъ. „Такъ какъ по причинѣ введенія въ порядокъ означенной рамы были замѣчены въ этой иконѣ многія вещи до сего времени неизвѣстныя, то онѣ заслуживаютъ упоминанія о нихъ и вотъ почему рѣшено сдѣлать ихъ краткое описаніе, которое послужитъ къ дополненію того, чего не достаетъ въ описаніи Гримальди и въ тоже время даетъ понятіе о настоящемъ состояніи иконы“.

„Доска, на которой находятся изображенія Спасителя и святыхъ Апостоловъ изъ простого дерева, называемаго на простомъ языкѣ *albuccio*“.

„На доскѣ натянута полотно, пропитанное гипсомъ, на которомъ по желтому фону написаны фресками на верху въ полукругѣ по срединѣ изображеніе Спасителя по поясъ; по срединѣ доски полуфигуры святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, надъ головами ихъ надписи краснымъ, славяно-русинскаго шрифта, съ именами Апостоловъ и Спасителя; въ нижней части—первосвященникъ, быть можетъ Адріанъ II, въ папскомъ облаченіи, благословляетъ св. Константина философа, или св. Кирилла Архіепископа Моравіи и Панноніи, стоящаго предъ нимъ на колѣняхъ; оба они обведены аркой: по бокамъ этой арки находятся двѣ фигуры въ восточномъ

одѣяніи, быть можетъ св. Меодія, брата и пріемника епископскаго сана Кирилла, и одного изъ учениковъ; оба съ поднятыми съ мольбою по направленію къ Апостоламъ руками. Изображеніе Спасителя и святыхъ Апостоловъ имѣютъ надъ головами ореолъ изъ очень старинной опакowej пластинки и надъ головой каждого корона изъ золота современнаго рисунка: короны Спасителя и св. Павла имѣютъ царскую форму, корона же св. Петра изображаетъ папскую тиару. Икона покрыта сверху стекломъ для предохраненія ее отъ порчи, а снизу подклеено красное сукно вышитое золотомъ, дабы предохранить дерево отъ гни, на это сукно натянуто еще другое. Рама сдѣлана изъ орѣховаго дерева, имѣетъ форму, такъ называемую Сальваторъ Роза, покрыта сверху тонкой серебрянной пластинкой“.

На обратной сторонѣ рамы была сдѣлана надпись, сильно поврежденная временемъ, по которой можно было судить кѣмъ была сдѣлана рама. Вотъ ея текстъ:

„In honorem ss. Apostolorum Petri et Pavli
Paulus Bisonius Romanus
Huius sacrosanctae Basilicae olim canonicus
Exornavit anno Dni MDCXXXIX.

Такимъ образомъ по изслѣдованію вышеназванныхъ экспертовъ и ученыхъ, занимавшихся этой иконой, послѣдняя признана *древнѣйшей*, причемъ по мнѣнію вышеназваннаго лица ее можно отнести къ византійскому стилю IX в.

Наконецъ послѣднее, болѣе точное и самое интересное для насъ изслѣдованіе иконы дѣлаетъ ученый славянинъ Лука Уеличь ¹⁾.

Послѣ подробнаго описанія содержанія изображенной на иконѣ сцены, уже извѣстной читателю, Уеличь рисуетъ намъ состояніе иконы за длинный рядъ пережитыхъ ею вѣковъ и испытанныхъ ею реставрацій и изъ этого анализа дѣлаетъ выводы о ея происхожденіи и эпохѣ.

По его мнѣнію икона была написана на деревѣ (пятью красками) покрытомъ тонкимъ пергаментомъ и судя по состоянію въ какомъ находится, должна была вынести много превратностей судьбы на протяженіи долгихъ вѣковъ сво-

¹⁾ Nuove osservazioni sull' icone vaticana dei SS. Pietro e Pavlo. Römische Quartalschrift 1892 стр. 83. Jelli.

его существованія. На ней замѣтны три главныхъ реставраціи съ продолжительными промежутками между ними.

Къ самой древней реставраціи принадлежитъ рамка шириною въ три сантиметра, которая покрываетъ четыре края иконы. Она деревянная, покрыта полотномъ и выкрашена красной темперой на желтомъ фонѣ изъ гипса. Ея плохое состояніе по причинѣ ветхости и облѣзшій гипсъ позволяетъ видѣть полотно, отчего и явилось предположеніе у нѣкоторыхъ изслѣдователей ея, что и вся икона была написана на полотнѣ, а не на пергаментѣ. Рама была сдѣлана позже, на что указываетъ разница въ краскахъ и плохое наложеніе ее на картину: она покрываетъ отчасти изображенное на иконѣ и можно предположить что подъ нею скрывается еще что нибудь.

Къ этому періоду относится украшеніе иконы дорогими металлическими пластинками прибитыми гвоздями, т. к. слѣды ихъ виденъ на внутреннемъ краѣ рамки и вокругъ фигуръ, отчего мѣсто подъ ними лучше сохранилось относительно прежняго фона, тогда какъ мѣста не покрытыя ими замѣтно выцвѣли.

Первая реставрація, судя по техникѣ рамки принадлежитъ XII вѣку и къ ней можно отнести и славянскую надпись, судя по характеру письма и по краскѣ буквъ, тождественной съ цвѣтомъ рамки.

Въ 1527 году, когда Римъ пережилъ столь смутное время и базилика Петра подвергалась варварскому разграбленію, славянской иконѣ пришлось въ свою очередь подвергнуться общей участи. Драгоцѣнныя пластинки были сорваны съ нея и попорченъ и исцарапанъ ея гипсовый фонъ, что вызвало необходимость второй реставраціи. Вся картина была вымыта оливой съ небольшою примѣсью уксуса и поцарапанныя мѣста покрыты темной краской, кромѣ того надъ головами апостоловъ было прибавлено сіяніе изъ вызолоченныхъ металлическихъ пластинокъ, а надъ головою Христа таковое же, но въ формѣ креста. Вслѣдствіи плохого и неумѣлаго мытья иконы оливой, она вся потемнѣла и пропитанные ею лица измѣнили свой первоначальный цвѣтъ. Такое измѣненіе колорита иконы было приписано реставраціи ее маслянными красками.

Послѣ этой второй реставраціи икона была выставлена на

поклоненіе въ продолженіи долгаго времени, на что указываютъ пятна воска, кот. она была закапана.

Послѣдняя реставрація была сдѣлана въ 1639 г. на что указываетъ надпись на обратной сторонѣ доски (Мы ее привели выше). Надъ головою Христа и св. Павла были сдѣланы вѣнцы, а надъ головою ап. Петра—тіара. Икона была вложена затѣмъ въ тяжелую мѣдную раму съ толстымъ стекломъ. Въ этомъ видѣ она находится и до сихъ поръ. Что же касается трехъ надписей по славянски въ верхней части иконы, то вотъ какого мнѣнія о нихъ Уеличъ.

Надпись . . . : IC XC едва замѣтная на коричне-

вомъ фонѣ по правую и лѣвую сторону на высотѣ головы Спасителя, на столько попорчена (теперь ее не видно), что трудно судить о характерѣ ея; она могла бы быть славянской, которая въ то время мало отличалась отъ греческой написана она киноварью, какая употреблялась и для фигуръ. Простота надписи и украшеніе точками даютъ предположить о ея подлинности. Что же касается надписи СТЫ· ПЕТРЪ съ правой стороны иконы и СТЫ· ПАВЛЬ съ лѣвой то они написаны краской, которая не встрѣчается въ другихъ частяхъ иконы и на особо сдѣланномъ фонѣ ввидѣ желтой пластинки, для чего былъ выцарапанъ оригинальный фонъ, что доказываетъ ихъ позднѣйшее происхожденіе. Къ тому же онѣ различаются отъ оригинальной надписи IC XC. и формой своей и степенью сохранности ихъ. Судя по орфографіи ихъ они принадлежать XII в. и ихъ надо отнести ко времени первой реставраціи иконы, т. к. ихъ фонъ желтыхъ пластинокъ одинаковъ съ цвѣтами рамы, сдѣланной во время первой реставраціи.

Въ нижней части иконы изображены двѣ сцены: по бокамъ иконы въ молитвенной позѣ стоятъ два человѣка: одинъ по лѣвой сторонѣ съ овальнымъ лицомъ безъ бороды, другой по правой сторонѣ съ бородою—жертвователи иконы; оба они епископы на что указываетъ ихъ облаченіе и головной уборъ, какой употреблялся до появленія митры. Между этими двумя фигурами подъ аркой отдѣляющей ихъ отъ центральныхъ двухъ фигуръ изображенъ стоящій, въ позѣ благословляющаго, римскій папа въ своемъ облаченіи съ овальной камилавкой на головѣ безъ короны, а предъ нимъ

коленопреклоненная фигура челоѣка съ бородою, тождественная съ фигурой стоящей по правую сторону за чертою арки, т. е. епископа съ бородою, одного изъ жертвователей иконы.

Изъ этой сцены явствуетъ литургическій характеръ иконы столько разъ изображаемой на древнихъ христіанскихъ памятникахъ: Спаситель, апостолы Петръ и Павелъ: въ честь которыхъ была сдѣлана икона и въ нижней части ее: сами жертвователи съ поднятыми съ мольбою руками къ Спасителю и апостоламъ, чѣмъ объясняется посвященіе иконы и цѣль этого посвященія т. е. рукоположеніе обоихъ жертвователей иконы во епископы самимъ папою, что изображено въ сценѣ въ серединѣ подъ аркою.

Такимъ образомъ икона эта была завѣщена ватиканской базиликѣ св. св. Кирилломъ и Меѳодіемъ въ воспоминаніе о ихъ епископскомъ рукоположеніи папою, или возложенной имъ на нихъ миссіи. Въ томъ что изображенные на иконѣ епископы суть именно св. св. Кириллъ и Меѳодій Уеличъ ссылается на то, что стиль и техника иконы указываютъ на ея византійское происхожденіе эпохи IX вѣка судя по облаченію епископовъ и папы. Къ тому же изъ изслѣдованія выше названнаго Romani, видно что уже въ 1192 г. икона была настолько древней, что ея приписывали Константиновскому времени и она требовала уже реставраціи.

Въ томъ что она есть икона дарованная св. братьями убѣждаетъ еще и то обстоятельство, что въ древней церкви св. Климента есть фреска 867 г. сдѣланная св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, на которой они изображены въ такомъ же самомъ облаченіи, какъ и на иконѣ и лица ихъ тождественны съ написанными на иконѣ. Между стилемъ иконы и фреской настолько сильное сходство, что можно приписать ихъ кисти одного и того же автора. Судя по традиціи Меѳодій былъ живописцемъ, а потому можно предположить что какъ икона, такъ и фреска въ церкви св. Климента работы самого Меѳодія. Съ церковью Климента оба брата имѣли большую связь, такъ какъ въ ней погребены мощи св. Климента, перенесенные имъ въ Римъ изъ Херсонеса.

Такимъ образомъ въ знакъ особаго почитанія апостоловъ и въ воспоминаніе посвященія ихъ въ епископы папою Адрианомъ II, Кириллъ и Меѳодій повѣсили свою икону у гроба св. Петра въ его базиликѣ, въ силу обычая того времени.

На этомъ мѣстѣ икона находилась впродолженіи долгихъ вѣковъ, причемъ о ней было совершенно забыто, такъ какъ никто изъ описывавшихъ достопримѣчательности базилики до Romanus'a, не упоминаетъ о ней.

Спустя три вѣка по неизвѣстной причинѣ икона была перенесена въ капеллу креста на поклоненіе. Но вѣроятно ея состояніе было уже настолько плохое, что потребовалась ея реставрація прежде нежели она была возложена на алтарь капеллы. Это и была та первая реставрація иконы, о которой говорилось выше. Къ этому надо прибавить и то объясненіе почему первоначально она была приписана императору Константину, какое даетъ объ этомъ Уеличъ. Извѣстно что въ IX в. иконописцы помимо посвященія внизу иконы, дѣлали на ней надпись у изображаемыхъ фигуръ, ограничиваясь однимъ лишь именемъ ихъ. Такъ сдѣлано на выше-сказанной фрескѣ въ св. Климентѣ: внизу фрески — посвященіе латинскими стихами, а по бокамъ ея — имена святыхъ, изображенныхъ на фрескѣ. Тоже должно было быть и на иконѣ. Но теперь осталась лишь надпись по обѣимъ сторонамъ Спасителя. Исчезновеніе другихъ надписей надо приписать положеніемъ во время первой реставраціи рамы, подъ которой скрылись надписи. Онѣ по всему вѣроятію должны были содержать имена апостоловъ, посвященіе съ именами обоихъ жертвователей и причина дара. Когда была наложена рама, то находившіеся подъ нею имена апостоловъ были замѣнены новой надписью, которую мы видимъ теперь надъ головами ихъ. Надпись сдѣлана Кириллицей и какъ видно лицомъ понимающимъ славянскій языкъ, изъ чего можно заключить, что и первоначальная надпись была сдѣлана алфавитомъ, составленнымъ св. Кирилломъ. Остальныя надписи не были воспроизведены за недостаткомъ мѣста по причинѣ рамы, а можетъ быть и потому, что вслѣдствіи ветхости ихъ нельзя было разобрать. Это предположеніе можетъ допустить толкованіе традиціи. Уже было сдѣлано предположеніе что традиція спутала епископа Константина или Кирилла съ императоромъ Константиномъ. Во время реставраціи иконы было забыто время и происхожденіе ея, быть можетъ въ силу того что посвященіе на иконѣ было написано по славянски, или часть его уже трудно было разобрать, тѣ кто извлекъ изъ забвенія икону, прочли на ней

лишь одно имя Константина. Смѣшать же имя его съ именемъ императора Константина въ особенности если это касалось древней иконы съ изображеніемъ апостоловъ Петра и Павла было весьма легко для Ватиканскаго клира, тѣмъ болѣе что подобнаго рода иконы и встрѣчались часто.

Увеличъ предполагаетъ даже, что именно потому то икона и была извлечена изъ забвенія и поставлена въ мѣсто особаго почитанія, что кто то прочелъ на ней имя Константина и принялъ его за посвященіе императору Константину.

Кромѣ того есть еще и другія примѣты въ самомъ облаченіи (головномъ) какъ у папы Адріана II, такъ и у епископа Константина (Кирилла) въ центральной сценѣ. Онѣ были дополнены потомъ, на что указываютъ слѣды отъ гвоздей, тѣхъ металлическихъ пластинокъ, которые были сдѣланы при первой реставраціи иконы, какъ замѣчено выше; и по этимъ слѣдамъ видно, что надъ головою Константина было сдѣлано украшеніе изъ пластинокъ квадратной формы, ввидѣ короны, надъ головою папы Адріана II—украшеніе круглой формы; фигура же Меѳодія не имѣла такого украшенія. Такимъ образомъ во время первой реставраціи изображеніе епископа Константина было принято за изображеніе императора Константина, фигура папы Адріана, за фигуру папы Сильвестра. Къ тому же въ X в. въ Римѣ на многихъ памятникахъ видѣли во всемъ изображеніе императора Константина, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго. Тоже вѣроятно случилось и съ иконою, о которой идетъ рѣчь.

Вотъ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія я могъ собрать здѣсь въ Римѣ объ этой интересной для насъ славянской иконѣ.

Въ день св. Петра и Павла я могъ воочію убѣдиться насколько заповѣданная святыми братьями традиція соблюдается и до нашихъ дней.

Присутствуя на торжественномъ богослуженіи въ день храмоваго праздника города Рима, я увидѣлъ знакомую мнѣ икону, повѣшенную съ правой стороны гробницы св. Петра.

Предъ нею стояли двѣ большія зажженные свѣчи и великолѣпный букетъ изъ бѣлыхъ благоухающихъ лилій.

И эта потемнѣвшая отъ древности икона со свѣжими, благоухающими цвѣтами предъ нею, какъ символъ жизни, краснорѣчиво говорила о томъ времени, когда обѣ церкви

были едины и не знали распрей, заставившихъ ихъ забыть другъ друга и стать чужими.

Кто знаетъ, не прійдется ли этой славянской святынь, пережившей столько вѣковъ, быть еще разъ свидѣтельницей возрожденія мира и единенія между обѣими церквами. Не будетъ ли это лучшей молитвой предъ иконою нашихъ славянскихъ апостоловъ.

В. Беленъ.

Римъ 29 іюня 1906 г.

въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла.
